

А в сердце живет любовь...

- Не люблю немцев, - как-то в задушевной беседе сказала моя соседка по больничной койке. Мы уже больше месяца лежали с ней в больнице, и так получилось, что с первых дней подружились и прониклись большой симпатией друг к другу. Она кандидат биологических наук, работала в научно-исследовательской лаборатории. Ей тогда было лет 55-58.

- Почему?! – спросила я, промолчав, что я немка.

А вот та история, которую она мне рассказала, убеждала в обратном.

“Думаю, что все люди, прошедшие через ад войны, не могут любить немцев. Конечно, я понимаю, что советские немцы также невинны в этой войне, как и миллионы людей других национальностей, они также страдали, также умирали от лишений и голода, также теряли родных и близких. Но, видимо, пережитое нами настолько сильно, что эта ненависть распространяется на всех. Я тоже во время войны потеряла мать, брата, дядю.

Но, моя самая близкая подруга по национальности немка... Мы вместе учились в школе, в Ленинграде, затем вместе поступили и перед самой войной закончили институт. Эльвира подавала большие надежды – школу закончила с золотой медалью, институт – с отличием. Родителей она потеряла еще ребенком. Отца расстреляли в годы репрессий, мать умерла от болезни. Эля жила с дедушкой, доктором биологических наук, преподавателем в институте. У них была большая хорошо обставленная квартира и очень много книг. Дед отличался высокой культурой, любил людей и помогал окружающим, чем мог.

Красивая, умная, Эльвира отличалась какой-то просто невероятной работоспособностью, старательностью. Многому, чего я достигла в жизни, я обязана Эльвире. Она своей настойчивостью, целеустремленностью подавала пример, часто помогала мне в учебе, и я постоянно за ней тянулась.

Эля очень мечтала стать комсомолкой, но её не принимали по известной причине, и для неё это было трагедией!

Началась война, блокада Ленинграда. Я, как и тысячи других девушек, выучилась на связиста и уехала на фронт. Эльвира тяжело переживала нашу разлуку, тоже хотела ехать со мной, но её, естественно, не взяли...

О том, что с ней случилось потом, я узнала много лет спустя.

В 1942 году умер от голода дедушка. Для нее это было невыносимой утратой – она осталась совсем одна, родных никого не было. Чудом уцелела сама, работая на заводе и получая за это паек хлеба и один раз в неделю горстку крупы. От голода едва передвигала опухшими ногами.

В 1943 году Эльвиру арестовали. Кто-то (как выяснилось позже) сделал донос в НКВД о том, что якобы она где-то высказывала свою симпатию к фашистам и желала победы Германии. Разумеется, – ей бы такое и в голову не пришло. Но этого было достаточно, чтобы отправить человека на десять лет за колючую проволоку.

Она попала в лагерь для политических ссыльных. Эльвире поручили самую грязную работу – ассенизатор, чистильщик туалетов. За ней прикрепили старую клячу, телегу с большой бочкой и длинный шест с черпаком на конце. Она с утра до вечера чистила многочисленные лагерные туалеты и вывозила за территорию их содержимое. Сначала ее сопровождал конвой, позже она выезжала за ворота одна... Ни разу ей не пришла в голову мысль – бежать. Да и куда бежать – ни родных, ни

дома у нее не было. Имущество конфисковали при аресте.

Эльвира мучительно привыкала к своей зловонной работе, первое время не могла есть даже тот скудный лагерный паек, который им полагался. Продовольственный паек был настолько мал, что многие заключенные умирали от истощения. Ее мучили рвота и головные боли. Был момент, когда она так ослабла, что лагерный врач позволил ей несколько дней отлежаться. Какое это было блаженство, никогда, ни до того, ни после, она не испытывала такого удовольствия от жизни! Это были единственные дни, за десять лет проведенных в лагере, когда ей удалось немного отдохнуть. Подруг у Эльвиры в лагере не было, общаться с ней никто не желал, поскольку устойчивый запах туалетов не исчезал даже после мытья в бане, а помыться и переодеться она чаще двух раз в месяц не могла. И жила отшельницей в самом дальнем закуточке барака все десять лет, покорно и молча неся свою службу. И потом много лет спустя, ее преследовал невозможный запах, как болезнь, как неотвратимое зло, особенно мучили сны – она с длинным черпаком бесконечно чистит и чистит туалеты. Эльвира боялась таких снов, она понимала, что это самое настоящее заболевание на нервной почве, а кто в те годы мог её вылечить?

Освободившись, Эльвира вернулась в Ленинград. Большой радостью стало для неё то, что ей удалось устроиться лаборанткой в одной научной лаборатории и получить комнатку в общежитии. А помог ей в этом их с дедом общий знакомый – начальник этой лаборатории.

Эля разыскала меня, и мы снова, как и прежде, с ней не расставались. Я старалась помочь ей в жизни, у меня к тому времени уже была семья, росли дети, и был кое-какой достаток.

Я знала, что Эльвира стойкая, сильная, честная. Ни разу за эти годы я не услышала от нее ни одной жалобы, ни одного упрека в чей либо адрес, и ни одной попытки с её стороны что-либо изменить в своей жизни. Она жила размеренно, спокойно и те, кто не знал о её жизни, не смог бы предположить, что пережила эта женщина.

Я начала писать во все инстанции, пытаюсь восстановить её честное имя, помочь снять обвинение, вернуть хотя бы часть дедушкиного состояния. Удача! В эти годы уже не так сурово относились к российским немцам, чувствовалось потепление, и немецкое население смелее смотрело в будущее. Эльвиру реабилитировали, с неё были сняты обвинения, ей вернули часть имущества и книги. Куда делось остальное – неизвестно.

Сейчас Эльвира живёт в однокомнатной квартире. Здоровье неважное, жизнь прожита без радости, возвышенные девичьи мечты и устремления рассыпаны в прах. Единственное утешение у нее в жизни – это я и моя семья. Она очень любит моих детей и внуков. Вяжет им носки, варежки, все свободное время у неё заполнено заботами о том, как бы помочь нам, как бы порадовать внуков. Постоянно дарит им подарки. И они платят ей тем же. Для них тетя Эля вторая мама...”.

1978 г.

Опубликована в газете "Труд", "Комсомольская правда", "Альгеймайне цайтунг".